

ПРОБУЖДЕНИЕ БУХАРЫ: БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ В КОН. XIX – НАЧ. XX ВЕКА

BUHARA'NIN UYANIŞI : XIX ASRIN SONLARI XX. ASRIN BAŞLARINDA BUHARA HANLIĞI

AWAKENING OF BUKHARA: EMIRATE OF BUKHARA IN THE EARLY 20TH CENTURY

Сергей Сергеевич БОРОЗДИН *
(Sergey Sergeyeviç BOROZDİN)

РЕЗЮМЕ

Данная статья посвящена развитию социально-политических процессов в Бухаре под российским протекторатом. На протяжении XIX в. этот эмират находился в состоянии упадка. Российский протекторат в значительной степени способствовал сохранению отсталости, потому что эмир сохранял широкие полномочия в сфере внутренней политики. Кроме того, Россия опасалась, что в случае конфликта с Афганистаном бухарские войска перейдут на сторону последнего. Поэтому Императорский Политический Агент в Бухаре П. М. Лессар призывал сохранить существующий порядок вещей неизменным.

Но под покровом стагнации вызрели семена обновления. В начале XX в. В жизни ухары появилось новое явление. Это был джадидизм, мусульманское реформаторское движение. Благодаря татарской общине в 1902 г. в Бухаре появился первый мектеб нового типа. Старые мектебы и медресе, строившие учебный процесс на зазубривании Корана, не могли конкурировать с теми, что были созданы джадидами. Под давлением местного духовенства и эмира новая школа была закрыта. Конфликт между сторонниками новых идей и консервативными муллами постепенно обострялся.

Сформировались две враждующие группировки: консервативное духовенство, суфии и учащиеся старых медресе с одной стороны и сторонники новых идей в лице просвещенного купечества, молодежи, получившей образование в Стамбуле – с другой. Все это сопровождалось ростом антироссийских настроений.

Консерваторы ориентировались, в первую очередь, на Афганистан, джадиды – на Османскую империю. Консерваторы подготовили несколько антироссийских выступлений, которые были сорваны царской администрацией.

Джадиды использовали в борьбе с консерваторами печатные пропагандистские материалы и идеи, распространявшиеся ими среди ухарских

---

* Екатеринбург, Уральский Федеральный университет им. Б.Н. Ельцина - (Yekaterinburg, Russia Yeltsin Federal University- RUSSIA)

студентов в Стамбуле. В начале 1910-х гг. джадиды начинают идеологически доминировать в Бухаре. Открытое столкновение между двумя группами сдерживалось присутствием в регионе русских войск. В последствие в ситуацию вмешается уже Красная Армия.

Ключевые Слова:

Бухара; джадидизм; первая Балканская война; Османская империя; Афганистан.

ÖZET

Bu makalede, Rus himayesi altındaki Buhara Hanlığının sosyo-politik süreçlerinin gelişimi üzerinde duruluyor. XIX yüzyıl boyunca bu emirlik gerileme yaşamıştır. Bu sırada emirler iç politika alanında geniş yetkilerini korudu, çünkü Rus himayesi büyük ölçüde geri kalmışlığın korunmasına katkıda bulunmuştur. Rusya Afganistan'la savaşmaya göze almıştı ve Buhara askeri bu savaşta Afganistan'a yardımcı olur endişesi taşıyordu. İmparatorun Buhara politikası danışmanı L. M. Lessar kurulu düzenin değişmemesi yönünde görüş bildirdi.

Ama bu geri kalmışlık yeni yönelişlere sebep olmuştu. XX. asrın başında Buhara'da yenilikçilik hareketi doğdu. Buna "cedidizm" adı verilip İslam reformu hareketidir. 1902'de Tatarlar arasında doğan bu hareket Buhara'da ilk önce ilkokullarda, yeni tip eğitimle başgösterdi. Eski mektep ve medreselerin öğretimi Kur'an ezberine ve tasavvufa dayalıydı. Bu nedenle cedidçilerle rekabet edemediler. Geleneksel eğitimciler ve emirin etkisiyle cedidçilerin bu eğitim hareketi durduruldu. İki grup arasında yavaş yavaş zıtlasma ve çatışma yayılıyordu.

İki grub birbirine düşman oldu. Bu düşmanlıktan dolayı sufilik ve geleneksel inanca bağlı medrese öğrencilerinin bir taraf, diğer taraf ise yeni ideolojinin gençleri ve aydınlanmış tarafları, İstanbul'da modern eğitim almış aydınlar. Bunlar arasında, Rusya karşıtlığı daha da artmıştı. Muhafazakarlar Afganistan'a gözlerini dikmişlerdi. Cedidçiler de Osmanlı İmparatorluğuna yönelmişlerdi. Muhafazakarlar Rusya'ya karşı birkaç plan hazırlamışlardı. Bu planlar Çarlığın gayretleri neticesinde gerçekleştirilememiştir.

Cedidçilerle muhafazakarlar arasındaki mücadele broşür haline getirilip, İstanbul'da okuyan Buharalı öğrenciler arasında dağıtılmıştır. 1910 yılının başlarında Cedidçi hareket Buhara'da ideolojik baskı kurmaya başladı. Bu iki grubun birbiriyle çatışması sadece kendi aralarında değil, Rusya ordusunun içinde de devam etmiştir. Sonuçta Kızıl Ordu bu olaylara müdahale etmiştir.

Anahtar Kelimeler:

Buhara, cedidizm, eski yöntem, Birinci Balkan Savaşı, Osmanlı İmparatorluğu, Afganistan.

ABSTRACT

This article is dedicated to the development of social-politic processes in Bukhara under Russian protectorate. During the 19th century this emirate was in condition of decline. Russian protectorate largely contributed to the preservation of backwardness, because Emir retained broad powers in the field of domestic policy. In addition, Russia feared that in case of conflict with Afghanistan Bukhara's troops will move to its side. So Imperial Politic Agent in Bukhara P. M. Lessar urged the imperial government to maintain this status quo.

But under cover of stagnation seeds of update have ripened. In the early 20th century new phenomenon has penetrated into life of Bukhara. It was Jadidism, movement of Muslim reformation. Due to Tartar community in Bukhara first mekteb of new type in 1902 has appeared. Ancient mektebs and madrasahs, based on memorization of Koran, could not compete with ones of Jadids. Under pressure from local clergy and the Emir the new school has been closed. Gradually, between the advocates of new ideas and conservative mullahs conflict was exacerbated.

Two hostile groups are formed: the conservative clergy, the Sufis and the old madrasa students on one side and supporters in the face of enlightened merchants, youth, educated in Istanbul, on the other side. All this is accompanied by increased anti-Russian sentiment. Conservatives are appealing in the first place to Afghanistan, Jadids to the Ottoman Empire. The Conservatives are preparing several anti-Russian uprising that thwarted the imperial administration.

Jadids in the fight with conservatives used the printed propaganda and ideas that are distributed by them among the Bukhara's students in Istanbul. In the early 1910s, it is clear that the ideology of Jadid begins to dominate in Bukhara. Open clash between two groups is constrained by the presence of Russian troops in the region. Subsequently, in a situation the Red Army will intervene.

Key Words:

Bukhara, Jadidism, old methods, First Balkan War, Ottoman Empire, Afghanistan

Деятнадцатый век был ознаменован периодом заката «Благородной Бухары», некогда славившейся на весь исламский мир своими многочисленными медресе. Эмират под властью династии Мангыт неуклонно превращался в отсталую периферию. В таком состоянии Бухара и встретила русскую армию, продвигавшуюся все дальше на юг от казахских степей.

Исход столкновения с Россией был предрешен. Эмир бухарский потерял контроль над отошедшим к России Самаркандом, а сам стал вассалом русского царя, лишившись права самостоятельно определять внешнюю политику своего государства. Так в 1868 г. над Бухарой был установлен протекторат России.

Российская администрация редко вмешивалась во внутренние дела эмирата. Россия была в определенной мере заинтересована в консервации существовавших там порядков, особенно, это касалось бухарских войск. Русские не доверяли бухарцам, а политический агент Лессар не сомневался, что в случае конфликта с Афганистаном, войско эмира перейдет на сторону последнего (Записка 2002: 106-107). К тому же, слабость войска была прямо пропорциональна лояльности эмира.

Обстановка в Бухаре казалась инертной, но начало XX в. ознаменовалось необычайным подъемом общественно-политической мысли.

В это время в Бухаре, как и в Туркестане, происходит становление мусульманского реформаторского движения, джадидизма¹. Протекторат наложил свой отпечаток на идейные установки бухарского джадидизма. Первоначальным предметом внимания реформаторов была традиционная мусульманская школа и лишь со временем, под влиянием революционных процессов в России и соседних исламских странах движение джадидов начало приобретать четко выраженную политическую окраску.

Власти эмирата не вмешивались в существовавшую веками систему образования, представленную двумя видами школ: начальными – мектебами и высшими – медресе. О качестве преподавания в мектебах можно судить по замечаниям, оставленным уже упомянутым русским путешественником: «В них проходится арабский язык и заучиваются наизусть стихи Корана². Ученики, по большей части, не понимают того, что они учат. Все сводится к одному бессмысленному зазубриванию. Рутинная преподавания убила науку» (Никольский 1902: 40).

Косная система нуждалась в обновлении, идеи которого проповедовали джадиды.

Впрочем, далеко не всем эти идеи пришлись по вкусу. Реформаторская газета «Вақыт» в своем номере от 10 апреля 1910 г. поместила примечательную статью о расколе, возникшем в рядах высшего духовенства эмирата. Муфтий Дамулла-Икрам, один из членов совета муфтиев Бухары, являлся сторонником новых идей, о чем стало известно другим муфтиям и алиму, второму лицу в духовной иерархии после ахунда³. Взгляды Дамуллы-Икрама не являлись секретами для старометодников. В свое время он подавал петиции о необходимости введения новой системы образования и отмены паранджи, которые, впрочем, не удовлетворили ни светские, ни духовные власти эмирата. Вероятно, именно поэтому непосредственно к Дамулле-Икраму был направлен чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе Наумов. При встрече с прогрессивно настроенным муфтием тот рассчитывал получить разъяснения по довольно щекотливым вопросам, волновавшим власти соседнего Туркестана.

Первый вопрос касался причины запрета устройства в Бухаре новометодных школ, которые представляли собой главный раздражитель для старометодного духовенства. К слову, если не заострять внимание на корыстных мотивах консерваторов, то их главным опасением, конечно же, было распространение в народе безверия.

Второй вопрос звучал так: «По заповеди ли Шариата или по традиции женщины ходят с закрытыми покрывалами лицами?» (ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1260, Л. 13).

Кроме того, чиновник интересовался состоянием вакуфов и доходами от этого имущества, отчисляемыми в пользу различных религиозных учреждений Бухары.

Не зная точно содержания вопросов, Дамулла-Икрам переадресовал их алиму Имамуддину, занимавшему более высокое положение в духовной иерархии. Когда командированный русский чиновник задал тому вопросы, Ишан-Алим категорически отказался отвечать на третий без распоряжения на то эмира, а для ответа на остальные попросил время.

С одной стороны этот визит является показателем крайне слабого знания русской администрацией местных традиций, с другой послужил примером бестактности. По крайней мере, самонадеянно выглядит попытка вызвать на откровенность высокопоставленное духовное лицо, открыто спрашивая его о том, чурается ли бухарское духовенство новометодных школ из-за страха перед прозрением бедноты или боязни пошатнуть устои существующего строя.

После этой бесплодной беседы в доме алима состоялось собрание муфтиев и мударисов крупных бухарских медресе, ревностно отстаивавших старые традиции. Известие о целях приезда в Бухару русского чиновника задело религиозные чувства старометодников и возбудило ненависть к «снова взявшемуся за свое» Дамулле-Икраму.

Некоторых из собравшихся стоит назвать поименно. Имя алима Имамуддина уже упоминалось выше. Чтобы добавить красок к его портрету, нужно сказать о наличии у него высшего духовного звания садра и кафедры в крупном медресе Гаукушан.

Муфтий Абдуразык, уроженец Коканда, также присутствовавший и активно выступавший на собрании, находился на особой заметке в Политическом Агентстве и Туркестанском Районном Охранном отделении, в поле зрения которого он попал еще раньше. В его досье читаем: «Абдуразык Муфтий выдающийся ученый Бухары, известен своей фанатичностью и нетерпимостью [к новшествам]. Весьма почитаем высшими духовными лицами, пользуется не меньшим почетом и у лиц правительствующих, Абдуразык, учиться у коего стекаются муллабачи⁴ из многих местностей Туркестана, пользуется огромной популярностью и среди учеников медресе» (ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1260, Л. 75-75 об.).

Был среди участников собрания и уроженец России мулла Камареддин, татарин по национальности. В свое время он приехал в Бухару из Казани с целью учебы, после чего остался там преподавателем.

Приняв свое решение, единомышленники алима направились к дому Дамуллы-Икрама, где под угрозой смерти заставили его письменно отречься от своих взглядов и признать их противоречие нормам шариата. На следующий день опальный муфтий, явившись на прием к Куш-Беги⁵ Насрулле-бию, попросил об отставке, которая не была принята. Бухарским правительством проводилось расследование, в результате чего открылись все обстоятельства произошедшего.

Впрочем, констатацией факта все и кончилось. Насрулла-бий объявил заговорщикам, что Дамулла-Икрам не приглашал русского чиновника, визит которого спровоцировал обострение давно назревавшего конфликта, призвал муфтиев помириться и отпустил их. Уже после акта примирения мулла Камареддин, жалел, что в ту ночь с Дамуллой-Икрамом обошлись столь мягко. Он открыто заявлял, что от новых методов в Бухаре не осталось бы и следа, «если бы мы [старометодники], снова собрав энергию, отправили в ад несколько человек».

А Дамулла-Икрам был настолько запуган, что больше не касался проблем «усули джадид»⁶ и отказывался от дальнейших встреч с Наумовым, заявляя, что «алим лучше знает, и его мнение есть сама истина».

В января 1910 г. в Бухаре произошли кровавые события, именуемые шиитской резней, поводом для которых явились многочисленные злоупотребления правительства эмира⁷.

Расследование беспорядков, прекратившихся только после ввода в Бухару русских войск, привело полицию в дом небезызвестного муфтия Абдуразыка. Описывая обыск, драгоман Политического Агентства Шульга, отмечает: «огромная возбужденная толпа муллабачей, тотчас же собравшаяся у дома Абдуразыка и ожидавшая окончания обыска, была весьма враждебно настроена; циркулировавшие после сего продолжительное время пересуды муллабачей показывали, что происшествие это, рассматриваемое ими как весьма оскорбительное для столь уважаемого лица, не забывается ими» (ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1260, л. 75 об.).

Хотя искомого оружия у муфтия не обнаружили, но российские власти подняли вопрос об удалении неблагонадежного духовного лица из Бухары. Тем не менее, эмир не решился на такой шаг, боясь

спровоцировать новые беспорядки. В составленном для нужд Политического агентства многостраничном докладе сообщается: «Не малым подтверждением значения Абдуразыка является и весьма предупредительное отношение к нему Эмира во время переговоров о желательности его удаления из Бухары. Его высочество, тщательно избегающий конфликта с духовенством, старающийся богатыми дарами задобрить последнее и прекратить нежелательные и вредные для престижа пересуды об отклонении его от шариата – усиленно указывал на желательность оставления Абдуразыка в Бухаре». Этот доклад, который, исходя из содержания, условно можно назвать «Панисламизм в Бухаре» не имеет точной датировки. Поэтому не понятно, идет ли здесь разговор об эмире Абдул-Ахаде или его сыне Сейид-Алиме, вступившему на престол в декабре 1910 г. после смерти отца. Упоминания о событиях Итало-турецкой войны позволяют датировать документ концом 1911 или первыми месяцами 1912 г. Скорее всего, описанные переговоры имели место еще в бытность Сейид-Алима наследником престола, когда он начинал вступать в дела государственного управления на фоне прогрессирующей болезни Абдул-Ахада. Нужно отметить, что Сейид-Алим, будучи тюря-джаном, также принимал участие в «примирении» муфтиев в ходе конфликта между ними, вызванного «усули джадид».

Сейид Алим, как и его отец, не мог похвастаться умением найти общий язык с духовенством и снискать популярность в народе. За время своего обучения в Петербурге будущий эмир успел познакомиться не с самыми лучшими сторонами столичной жизни. Во дворец эмира регулярно поставляли русских проституток из Новой Бухары. Авторитет власти эмира был серьезно поколеблен. По этому поводу заведующий административно-полицейской частью в Новой Бухаре докладывал туркестанскому генерал-губернатору: «Неуважение власти дошло до того, что население, открыто порицая своих властелинов, остается безнаказанным, чего при покойном эмире [Абдул-Ахаде] не наблюдалось» (ЦГА РУз (Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан). И-461. Оп. 1. Д. 1023, л. 72.]

После подавления январских волнений 1910 г. Бухара не успокоилась. МИДу все труднее было сдерживать сторонников полной аннексии Бухарского эмирата и присоединения его территории к генерал-губернаторству. Министерство Иностранных дел продолжало отстаивать принцип протектората, опираясь на аргументы, высказанные некогда Лессаром: «мы встанем перед сложной задачей обеспечения порядка на обширном пространстве между Туркестаном и Афганистаном». Такое развитие событий, действительно, грозило большими потрясениями.

Начать с того, что Бухара – старый культурный центр исламского мира со своими многовековыми устоями и влиятельным духовенством, положение которого в корне расходилось с тем приниженным состоянием, в котором находилось мусульманское духовенство Туркестанского края.

Тогда из Департамента Полиции в Туркестанское Охранное отделение поступил циркуляр с указанием спешно обзавестись секретной агентурой в Бухаре. Известно, что начальник Охранного отделения подполковник Андреев с этой целью лично ездил в Бухару. Уже в ноябре месяце 1910 г. Отделение отчиталось перед своим ведомством, что она агентура приступила к передаче сведений. Полученная им информация носила явно угрожающий характер.

«Пропаганда исламизма, - докладывал начальник Туркестанского Охранного отделения в Особый отдел ДП, - находя отклик в верованиях народа, невольно влечет умы мусульманского бухарского населения в сторону мусульманских государств, и только военная угроза удерживает наиболее благоразумную часть населения от немедленного революционного выступления и государственного переворота, но тревожные события уже не за горами, и принятие с нашей стороны каких-либо серьезных мер является теперь повелительной необходимостью» (Арапов 2002: 128).

Восстание в Бухаре планировалось на 4 декабря 1910 г. Среди главных действующих лиц фигурировали уже знакомые для Отделения имена: бухарский алим Имамутдин садр, Абдуразык муфти, мулла Абдурасул, мулла Хан-Мурад (Ташкенди⁸) и Камаретдин Ногай (Камаретдин Ногаев, он же мулла Камаретдин). Все они в свое время принимали участие в заговоре против Дамуллы-Икрама, теперь их замыслы простирались намного дальше устранения «муфтия-еретика».

Основной силой восстания должны были стать учащиеся старометодных медресе и бухарские обыватели, недовольные постоянными притеснениями со стороны администрации эмира.

К концу первого десятилетия XX в. интерес Афганистана к Бухаре стал совершенно очевидным фактом. Было доказано, что узбеки, таджики и туркмены, заблаговременно приехавшие из Северного Афганистана⁹, принимали активное участие в избиении шиитов в 1910 г. Охранное отделение, оценивая деятельность афганских эмиссаров на территории Бухары, полагало, что она представляет даже большую угрозу, чем турецкая пропаганда. На основании донесений секретной агентуры, Андреев сообщал в Петербург: «Родственное по религиозным

убеждениям, по быту и нравам население Афганистана, соприкасаясь со слабо охраняемой нашей сухопутной границей, имеет непрерывные торговые и иные сношения с населением Бухары, и эти тесные сношения агентура отмечает в крайне тревожном смысле. Афганистан изучает Бухару в стратегическом и тактическом отношениях; Афганистан имеет в Бухаре и во всем Туркестанском крае военный и политический шпионаж; Афганистан, наравне с русскими заводами, снабжает Бухару огнестрельным и холодным оружием, идущим контрабандным путем. В данное время нет двора в Бухаре и кишлаках ханства¹⁰, который не имел бы огнестрельного оружия» (Арапов 2002: 129).

Исключительно благодаря своевременным действиям агентуры Охранному отделению стали известны факты перехода границ Бухары группами афганской молодежи, имевшие место осенью 1910 г. В итоге проверки выяснилось, что это не просто молодые люди, а солдаты регулярных частей афганской армии. На тот момент их общее количество на территории эмирата достигало нескольких сотен человек.

Тогда и прояснились цели делегации, отправленной представителями бухарского духовенства ко двору афганского эмира несколькими месяцами ранее. Агентура сообщала, что одиннадцать человек из числа уважаемых в Бухаре религиозных деятелей посетили Кабул, где вступили в контакт с братом эмира Хабибуллы Насрулло-ханом, а также генералом Фейз-Мамед ханом.

Как показали дальнейшие события, миссии удалось достичь определенных договоренностей с кабульским правительством. В случае успешных действий восставших Бухара, освободившись от ига погрязшего в пороках и верно служащего русскому правительству эмира, должна была на правах автономии присоединиться к Афганистану, очевидно рассчитывавшему, что Россия не решится на войну с ним, опасаясь столкновения с Англией. Из Кабула в Бухару был послан некий Мамед-Акбар Хан, пользовавшийся покровительством Насруллы-хана и служившего при нем советником по политическим делам. В его задачу входило установление связи с высшим духовенством эмирата, позицию которого и выразили упомянутые одиннадцать посланцев. Но Охранное отделение сыграло на опережение.

В 20-х числах ноября, то есть за одну-две недели до начала запланированного мятежниками выступления, русская полиция в присутствии специально уполномоченных чиновников бухарского правительства провела серию обысков на квартирах указанных агентурой лиц. В результате этих обысков было изъято большое количество огнестрельного и холодного оружия, в основном российского

производства. Планы заговорщиков удалось сорвать. Разразись восстание в декабре 1910 г., оно с большой долей вероятности могло перерасти в очередной виток борьбы за власть, правящий эмир Абдул-Ахад находился в то время при смерти, а вмешательство афганских армейских подразделений на этом фоне могло повлечь за собой самые непредсказуемые последствия.

Тем не менее, лицам, которые, по агентурным данным, стояли во главе заговора, вновь удалось выйти сухими из воды. Прямых, свидетельствующих против них улик найти не удалось, эти люди были достаточно предусмотрительны, чтобы не компрометировать себя и не складировать оружие в своих домах. Когда же Политическое Агентство решило потребовать высылки из бухарских пределов одного из мятежных и явно враждебных России мулл, а именно Абдурасула, эмир начал колебаться, страх перед собственным духовенством оказался сильнее, нежели опасение вызвать недовольство русских властей.

Далее ситуация развивалась в точности, как при попытке выдворения муфтия Абдуразыка. На стол подполковнику Андрееву легло донесение следующего содержания: «Популярность названного Абдурасула и влияние его на население настолько велики, что, когда был поднят вопрос о выдворении его из Бухарского ханства, бухарское правительство категорически отказалось от этого предложения, боясь вызвать всеобщее неудовольствие, главным же образом духовенства» (ЦГА РУз (Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан). И-461. Оп. 1. Д. 1023, Л. 71-71 об.).

Помимо прочего, агентура отметила присутствие в Бухаре под видом торговцев афганских подданных Ахмед-Джана, Сейид-Мухаммед-Хана, Мамед-Керим-Хана и Мухаммеда-Гаус-Хана. На счет последнего особо сообщалось, что он имеет серьезные связи в Бухаре и Туркестане, под прикрытием торговых дел ведя обширный военный и политический шпионаж, отмеченный военными разведчиками Туркестанского военного округа (Арапов 2002: 129). Не исключено, что именно с деятельностью названного лица были связаны участвовавшие случаи крупного хищения оружия со складов Туркестанского военного округа, о чем годом ранее с беспокойством докладывал генерал-губернатор Самсонов (. РГИА (Российский Государственный Исторический Архив). Ф. 821. Оп. 8. Д. 612, Л. 369 об.).

Наиболее тесные сношения афганские эмиссары поддерживали с сыном покойного Кази-Калона Бадреддин садра Бурханудином и ишаном Ибадуллою ханом. В обязанности первого входил сбор пожертвований среди сочувствующих бухарцев.

Ибадулла хан был очень заметной в Бухаре фигурой, являясь шейхом (пиром) суфийского братства Накшбандия. Данный орден был одним из самых влиятельных и многочисленных не только в Средней Азии, но и во всем мусульманском мире. Накшбандия распространился в Афганистане, Русском и Китайском Туркестане, на Кавказе и среди российских татар. Его адептом был ферганский Дукчи-ишан, поднявший в 1898 г. восстание в Андижане.

В личной характеристике шейха Ибадуллы, составленной по распоряжению Политического агентства, указано: «Ишан Ибадулла Хан Ишь-бек Махсум, проживающий при мечети Халифа¹¹ Хусейн. Популярность сего шейха весьма велика. Он известен святостью жизни и нестяжанием, каковое начало выгодно отличает его от других известных шейхов, кои, несмотря на свое положение, имеют жен и большое имущество. Последователи ишана Ибадулла Ходжи происходят из Ферганы и других частей Туркестана и создают ему известность во всех наших среднеазиатских владениях. В настоящее время названный шейх насчитывает не меньше трех тысяч учеников» (ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1260, Л. 76 об.) (Данные на 1911 г.).

Полученные агентурным путем сведения указывали на пира Ибадуллу как на духовного руководителя радикального толка, яркого проповедника идеи объединения мусульманских стран, в частности – Бухары и Афганистана под знаменем борьбы с неверными. По взглядам он был крайне близок называвшейся группе старометодных мулл. В Бухаре не существовало непримиримого антагонизма между суфиями и ортодоксальным исламским духовенством. Например, Гиясуддин садр, предшественник Имамуддин садра на посту бухарского алима и муфтий Абдуразык являлись мюридами другого известного шейха Ша-Яхси. Прочная связь мюридов со своим учителем является неотъемлемой составляющей суфийской традиции. В то время как духовенство могло диктовать волю правительству эмира, сами духовные лица испытывали влияние идей суфийских пиров, а в нередких случаях, возможно, выполняли роль передаточного звена между своими шейхами и бухарской администрацией.

С провалом декабрьского выступления 1910 г. напряжение в Бухаре отнюдь не спало. Согласно агентурным данным, идеи о восстании продолжали вынашиваться настроенным антироссийски бухарским духовенством. Новое выступление ожидалось к Руз-Хаиту¹² или в скорости после него (Ноябрь 1911 г.).

Из Новой Бухары в Ташкент поступали такие сведения: «...во время этого восстания будут подвергаться избиению русские и русско-

подданные; мысль об этом избиении не оставлена, к выполнению ее готовятся усиленно, провозится оружие, молодежь производит за воротами Имам и Намазгах¹³ стрельбу в цель..., в городе Бухаре пойман бухарско-подданный туземец, изготовляющий и сбывающий порох» (ЦГА РУз (Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан). И-461. Оп. 1. Д. 1023, Л. 71 об.).

Согласно данным Охранного отделения, незадолго до Руз-Хаита из Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства в Бухару стали возвращаться обучавшиеся там муллабачи. Представителей полицейских органов насторожил тот факт, что учащиеся медресе поспешили в Бухару раньше обычного срока, до окончания каникул, устраиваемых в месяц Рамадан. В ходе дальнейшего разбирательства было установлено, что с каникул их отозвал тот самый мударис мулла Абдурасул, уроженец Самарканда, преподававший в бухарском медресе Турсунджан, у которого большинство из этих молодых людей проходило обучение.

В это же время в самом эмирате царило напряженное ожидание грядущих знаковых для Бухары событий, слухи о которых распространяли среди населения астрологи.

По замыслу идейных вдохновителей восстания, сигналом к выступлению должен был послужить огонь, зажженный на одной из окрестных горных вершин. Сам город для более удобного руководства толпами муллабачей был разделен на сектора, планировалось также нарушить железнодорожное сообщение, разобрав полотно на участках дороги между Бухарой и Самаркандом. И вновь кровопролитие удалось предупредить.

Афганцы были не единственными агентами иностранного влияния в Бухаре. Охранное отделение выявило, по крайней мере, двух турецких эмиссаров Мустафу-эфенди и Махмуда-эфенди.

Османские подданные довольно часто появлялись в Бухаре и с почестями принимались местным духовенством, а некоторые даже эмиром. Как правило, это были различные шейхи, вызывающие у бухарцев почтение в силу самого их приезда из Стамбула, столицы халифата, или из священной Мекки. Как подчеркивал в своем докладе драгоман Политического Агентства Шульга, «эта категория не представляет из себя каких-либо агитаторов, и большинство их стремится лишь к личной наживе путем продажи различных молитв и реликвий или сбора пожертвований с богатых бухарцев. Лица эти поддерживают мусульманский фанатизм, рассказывают о величии Падишаха, но, будучи

фанатиками старого типа, не имея никакого руководства, способны к разжиганию религиозной вражды, но не к какой-либо систематической вредной для нас деятельности» (ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1260, Л. 77 об.).

Но, если в среде традиционалистов влияние Турции не прослеживалось столь отчетливо (в отличие от влияния афганского), то для многих джадидов после прихода к власти младотурок и официального восстановления Конституции 1876 г. она являлась идеалом и центром притяжения. Вскоре же после свержения режима Зулум бухарскими эмигрантами в Стамбуле было основано «Бухарское общество по распространению знаний». Названное Общество существовало на средства комитета партии «Единение и прогресс», при активной поддержке которого и создавалось. Первостепенной задачей новой организации являлось распространение знаний среди бухарцев и уроженцев китайской Кашгарии, естественно, в том русле, в каком этого желали младотурки. Общество сотрудничало с Военной академией и другими учебными заведениями Стамбула, в которых и проходила обучение набранная им мусульманская молодежь. По оценке российского посольства в Стамбуле, набор составлял около двухсот человек в год, причем распределение по численности между бухарскими и китайскими подданными было примерно равным (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469, Л. 103).

С набором желающих поехать на учебу в Стамбул проблем не возникало. Подавляемые сверху «усули джадид» все равно находили своих сторонников. Первое знакомство бухарцев с «новым прогрессивным течением», как джадидизм именовался в российских документах, состоялось в 1903 г., когда в Старой Бухаре открылась первая в эмирате новометодная школа. Первопроходцами в данном направлении были поселившиеся в бухарских владениях поволжские татары. Татарская община в Бухаре включала, главным образом, купцов, некогда приехавших сюда по торговым делам и, в конце концов, здесь осевших. Татарское население очень быстро разочаровалось в местных старометодных медресе, не дававших практически значимого образования. Община не теряла связь с Поволжьем, где «усули джадид» уже довольно прочно укоренились, кроме того, она обладала значительным финансовым потенциалом. Так родилась идея открытия новометодной школы в Бухаре, которая и была реализована купцом, выходцем из Казанской губернии Низаметдином Сабитовым. Изначально предназначенная для удовлетворения внутренних потребностей татарской общины она постепенно снискала сторонников в среде

состоятельных бухарцев, представителей торгового сословия, с которыми татары часто контактировали в коммерческих делах.

Прием в школу бухарской молодежи встретил крайне враждебную реакцию со стороны высших религиозных иерархов эмирата. Нельзя утверждать, что среди бухарского духовенства на этой почве произошел серьезный раскол. Одобрение по поводу происходящего высказал лишь Дамулла-Икрам, за что потом многое претерпел. Иных сторонников не нашлось и, под давлением муфтиев, эмир в 1908 г. издал указ о закрытии «татарской» школы в Старой Бухаре и недопустимости впредь открытия подобных заведений в его владениях. Не помогли ни деньги, ни клятвенные обещания не допускать более в школу бухарских подданных. Впрочем, уроки продолжались, но уже в частном порядке в домах татарских купцов.

«Сознательная Бухара» осталась неудовлетворенной таким исходом дела. С начала 1890-х гг. в Бухаре существовало также русско-туземное училище, на которое политический агент Лессар в свое время указывал, как на залог постепенного, но неуклонного сближения местного населения с Россией. Иную оценку это учреждение получило от драгомана Шульги в начале 1910-х: «школа не пользуется ни малейшей симпатией населения, а либеральные бухарцы, беседующие о необходимости хорошей школы для Бухары, при указании на уже существующую, дают очень критические отзывы, как относительно ведения дела, так и всего убогого оборудования училища» (ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1260, Л. 83).

В реорганизации указанной школы Шульга видел способ противодействия дальнейшему оттоку молодых бухарцев в Стамбул. Но, пока подобные предложения изучались, согласовывались и тормозились в различных чиновничьих инстанциях, контролируемое младотурками «Бухарское Общество распространения знаний» наладило механизм популяризации турецкого образования среди населения Бухары. В первую очередь его пропаганда ориентировалась на состоятельные торговые слои эмирата. Агитаторами выступали сами же не чуждые просвещению богатые бухарцы, бывавшие в Стамбуле по коммерческим и иным делам. Один такой пропагандист турецкого образования бухарский купец Музгаретдин Бурханов попал в поле зрения русской агентуры и Охранного отделения. Тем не менее, весомого повода к его задержанию не нашлось, как и не удалось установить за ним негласный надзор (ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1260, Л. 80). Отзывы уважаемых и известных всей Бухаре людей являлись весьма авторитетной рекомендацией для богатых родителей, желающих дать своим детям качественное образование.

Среди бухарцев, проживавших в то время в Стамбуле, внимания заслуживает Абдурауф Фитрат. Просветитель, яркий представитель джадидов, чей образ окружен почетом в современном Узбекистане. Его молодые годы прошли в столице Османской империи, там же он получил образование и встал у истоков упомянутого «Бухарского Общества...». В Бухаре он приобрел известность благодаря своим литературным работам, позже, после возвращения на родину, он становится главой бухарского отделения партии «Единение и прогресс».

Начавшаяся 8 октября 1912 г. первая Балканская война способствовала нагнетанию обстановки как в Бухарском эмирате, так и в соседнем с ним Туркестанском крае.

Нередко местные жители, узнав о балканских событиях от соплеменников или из прессы, организовывали сборы пожертвований в пользу османской армии.

Слова о грядущей совсем скоро священной войне против России прямым текстом звучали на проповедях в мечетях Бухары одновременно с призывами жертвовать деньги на усиление турецкой армии и флота. Обстановка особенно накалилась после получения известий о взятии болгарскими войсками столицы первых османских султанов – Эдирне (Адрианополя). Царская агентура доносила: «Среди бухарского населения в настоящее время наблюдается особенно резко пренебрежительное отношение к русским» (ЦГА РУз (Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан). И-461. Оп. 1. Д. 1023, Л. 71).

В эмирате назревало антирусское восстание, подготовку которого царские власти связывали, в том числе, с именами обосновавшегося в Афганистане шейха Ахмеда Сенуси¹⁴ и давно проживавшего в Стамбуле публициста, уроженца сибирского села Тары Абдуррашида Ибрагимова (ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1324, Л. 133).

Российская секретная агентура, действовавшая в Старой Бухаре, доносила об организации глубоко законспирированного кружка, куда входили крупные торговцы и влиятельные бухарские сановники, в том числе Кази-Калон, верховный шариатский судья эмирата, каракульский амлякдар Туракулбай-хан и керкский бек Акрам-хан (дядя эмира Сеид-Алима). Члены его будто бы поклялись очистить от русских бухарские владения, а затем выгнать их из всего Туркестанского края. Агентам Охранного отделения так и не удалось внедриться в этот кружок, но прокатившаяся вскоре по владениям эмира волна таинственных убийств русских подданных заставила всерьез заговорить о радикализации

бухарской элиты и ее связях с Афганистаном и Турцией (ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1314, Л. 54 об.).

Одно из выступлений планировалось в ночь на 4 декабря 1910 г. учащимися бухарских медресе под руководством своих мударисов. В этой связи следует рассматривать и имевшие место в ноябре факты перехода границ Бухары контингентами регулярной афганской армии общим числом в несколько сот человек (Арапов 2002: 130). Благодаря своевременно доставленным агентурным сведениям удалось пресечь в зародыше, вероятно, гораздо более трагические события, чем январское избиение шиитов. Тем более непредсказуемые из-за того, что эмир Абдул-Ахад находился в это время при смерти. Таким образом, вспыхнувшее восстание могло перерасти в очередной виток кровопролитной борьбы за власть на фоне внешнего вмешательства и довольно большого количества потенциальных претендентов на бухарский престол. В результате обысков, проведенных в Бухаре в 20-х числах ноября, было изъято внушительное количество огнестрельного оружия и боеприпасов, в большинстве своем российского производства, что подтвердило опасения властей. Тогда же стало известно и о молодых афганцах, оказавшихся на проверку солдатами иностранной армии.

Бухара представлялась удобным плацдармом для проникновения афганского и турецкого влияния во внутренние области Туркестанского края, особенно на волне подъема религиозных чувств мусульман, сопровождавшего Итало-турецкую и первую Балканскую войну. Тем не менее, сосредоточение в регионе русских войск удержало и бухарскую оппозицию, и Афганистан от открытого выступления против России. Свою сдерживающую роль войска сыграют и после вступления Османской империи в Первую мировую войну.

Завершающая стадия внутривнутриполитической борьбы в Бухаре наступит уже после краха Российской и фактического расчленения Османской империи. В ней проиграют и эмир, и джадиды. Первый сбежит в Афганистан, некоторые джадиды присоединятся к большевикам и будут расстреляны, как Фитрат, в период сталинских репрессий. А территория бывшего эмирата будет поделена между советскими республиками: Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Джадид – в пер. с араб. и перс. – новый. Джадидами называли сторонников нового метода преподавания в школе, основанного на совмещении богословских дисциплин и точных наук. В политическом отношении джадиды выступали носителями либеральных идей.

- ² Сторонников старой школы принято называть кадимистами (от араб. и перс. «кадим» - старый) или старометодниками.
- ³ Во время описываемых событий ахундом являлся Кивамуддин садр, человек весьма преклонного возраста и в силу того не очень деятельный. Тем не менее, его безоговорочно можно отнести к стану консерваторов.
- ⁴ Учащиеся медресе.
- ⁵ Глава бухарского правительства.
- ⁶ Дословно - новые методы
- ⁷ Весомую роль в бухарском правительстве играли выходцы из шиитской среды, потомки рабов-иранцев.
- ⁸ Уроженец Ташкента.
- ⁹ Среди них имелись уроженцы Кабула, Мазари-Шарифа и Герата.
- ¹⁰ В русской обиходной речи по отношению к Бухарскому эмирату утвердилось не совсем корректное обозначение «ханство».
- ¹¹ Халифа – понятие сугубо суфийское, не имеющее отношение к титулу халифа мусульман. Так называли представителей верховного шейха в той или иной местности, которые нередко становились их приемниками или родоначальниками побочных ветвей ордена.
- ¹² Ураза-байрам.
- ¹³ Южные городские ворота Бухары.
- ¹⁴ Шейх Ахмед Сенуси – глава суфийского ордена Сенусийя, бежавший в Афганистан после захвата итальянцами османских владений в Северной Африке, где этот орден был распространен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АРАПОВ Д. Ю. (2002): Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 г. (по архивным материалам Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи) // Сборник Русского исторического общества. М. Т.5 (153). М. 2002. С. 127 – 134.
- ЗАПИСКА П. М. (2002): Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией. 1895 г. // Сборник Русского исторического общества. М. Т.5 (153). М. 2002. С. 96 – 126.
- НИКОЛЬСКИЙ М. Н. (1902): Благородная Бухара. Спб.
- РГИА (Российский Государственный Исторический Архив). Ф. 821. Оп. 8. Д. 612.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469.
- ЦГА РУз (Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан). И-461. Оп. 1. Д. 1023.
- ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1260.
- ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1314.
- ЦГА РУз. И-461. Оп. 1. Д. 1324.

SPISOK İSTOÇNIKOV

ARAPOV D. Yu. (2002): Muslimanskoye Dvijeniye v Sredney Azii v 1910 g. (po arhivnim materialama Departamenta Ministerstva vnutrennih del Rossiyskiy İmperii) //Sbornik Ruskogo İstoriceskogo Obşestva. M. T.5 (153) M. 2002. C.127 – 134

ZAPİSKA P. M. (2002): Lessara o Vnutrennem Polojenii Buharskogo Hanstva i Ego Otnoşennih s Rossiey. 1895 g. // Sbornik Ruskogo İstoriceskogo Obşestva. M. T.5 (153). M. 2002, C. 96 – 126.

NIKOLSKIY M. N. (1902): Blagrodnaya Buhara. Sib

RGIA (Rossiskiy Gosudarstvenniy İstoriceskiy Arhiv). F. 821, Op. 8. D. 612.

RGIA. F. 821, Op. 133. D. 469

TsGARUz (Sentralniy Gosudarstvenniy Arhiv Respubliki Uzbekistan) İ – 461. Op. 1. D. 1023.

TsGARUz. İ – 461. Op. 1. D.1260

TsGARUz. İ – 461. Op. 1. D. 1314

TsGARUz. İ – 461. Op. 1. D. 1324